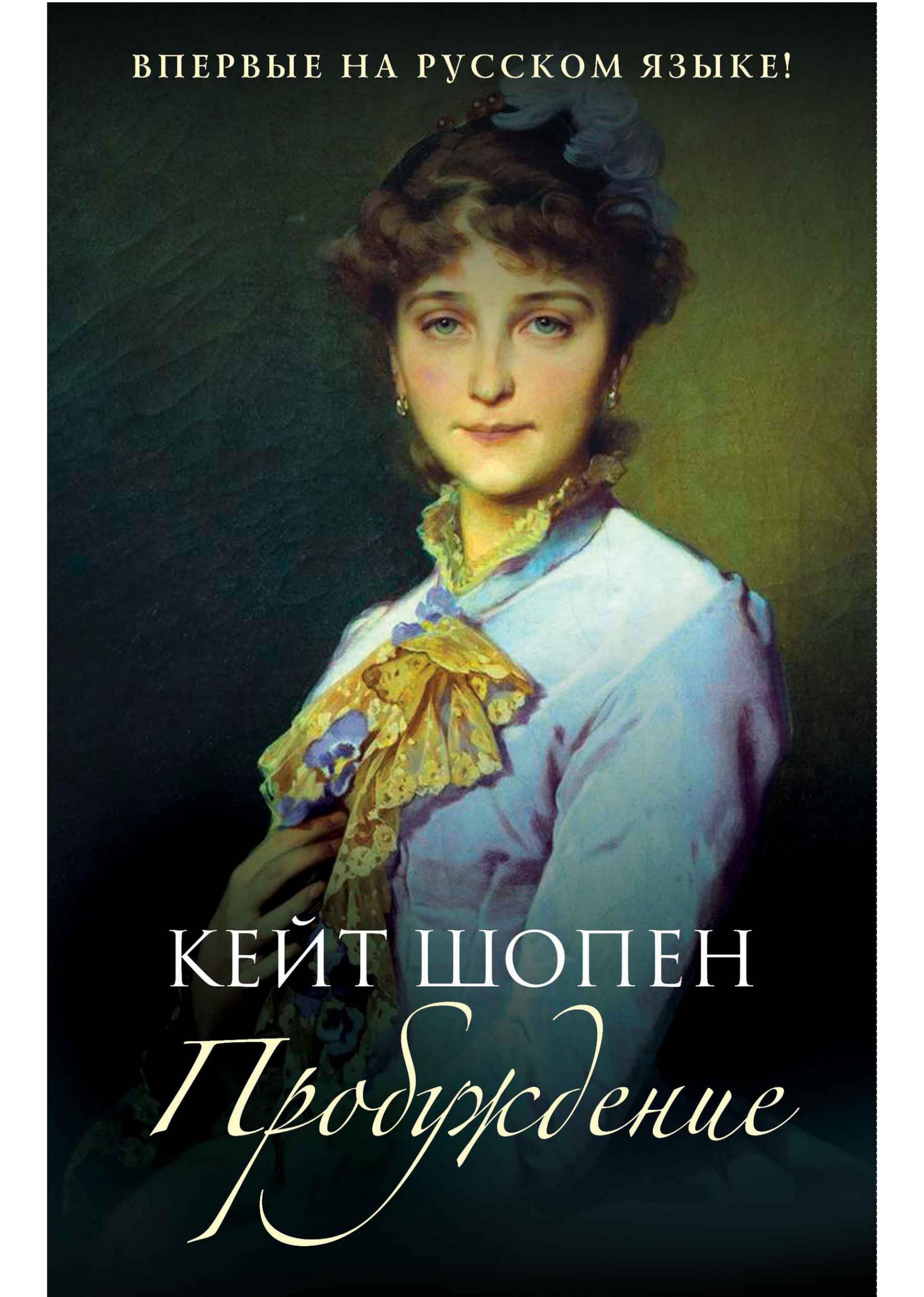

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

A detailed oil painting of a woman with dark, curly hair adorned with a blue flower. She has a serene expression and is wearing a light blue, long-sleeved dress with a high, yellow lace collar and a large yellow lace bow at the chest, decorated with purple flowers. The background is a dark, textured green.

КЕЙТ ШОПЕН
Продурждение

В поисках утраченного времени

Кейт Шопен
Пробуждение

«РИПОЛ Классик»

1899

УДК 82-31
ББК 84(7Сое)6-44

Шопен К.

Пробуждение / К. Шопен — «РИПОЛ Классик», 1899 — (В поисках утраченного времени)

ISBN 978-5-386-10395-8

Впервые на русском языке публикуется роман Кейт Шопен «Пробуждение» — одно из величайших произведений в американской литературе. Вышедший в свет в 1899 году, роман шокировал читателей и критиков. Автора обвиняли в беспутстве. И хотя книга не была запрещена, ее подвергли цензуре. Это привело к тому, что творчество Кейт Шопен долгое время оставалось незамеченным. Как и большинство великих произведений, критикуемых при жизни, «Пробуждение» признали лишь много лет спустя. Блестящая красавица Эдна Понтелье вместе с мужем и двумя замечательными ребятами проводит лето в курортном городке Гранд Айл. Неожиданная встреча Эдны с Робертом, очаровательным молодым человеком, внезапно изменяет спокойную и размеренную жизнь женщины. В издание также вошли избранные рассказы писательницы, ранее не выходившие на русском языке.

УДК 82-31
ББК 84(7Сое)6-44

ISBN 978-5-386-10395-8

© Шопен К., 1899
© РИПОЛ Классик, 1899

Содержание

Пробуждение	6
Глава I	6
Глава II	8
Глава III	10
Глава IV	12
Глава V	14
Глава VI	17
Глава VII	18
Глава VIII	22
Глава IX	25
Глава X	28
Глава XI	31
Глава XII	33
Глава XIII	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кейт Шопен

Пробуждение

© Богданова Е. Г., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2017

Пробуждение

Повесть

Глава I

Желто-зеленый попугай в клетке за дверью без умолку выкрикивал: «Allez vous-en! Allezvous-en! Sapristi!! Отлично!»

Он умел произнести несколько слов на испанском, а также на языке, который никто не понимал, разве что пересмешник в соседней клетке с другой стороны двери, насвистывавший на ветерке свои мелодии с исступленной настойчивостью.

Мистер Понтелье, лишенный возможности читать газету хотя бы с минимальным комфортом, поднялся с раздраженным выражением лица. Он прошел по галерее через узкие мостки, соединявшие коттеджи, принадлежавшие семейству Лебрэн, между собой. До этого он сидел перед входом в главное здание пансионата. Попугай и пересмешник были собственностью миссис Лебрэн и имели полное право производить любой шум по собственному желанию. Мистер Понтелье обладал привилегией покинуть их общество, коль скоро оно перестанет его устраивать.

Он остановился перед дверью своего коттеджа, четвертого по счету от главного здания и предпоследнего в ряду. Усаживаясь там в плетеное кресло-качалку, мужчина снова углубился в чтение газеты. Было воскресенье, а газета вышла вчера. Воскресные газеты еще не привезли на Гранд Айл. Мистер Понтелье уже ознакомился с биржевыми отчетами и теперь беспокойно пробегал глазами редакционные колонки и новостные заметки, которые не успел прочитать накануне, перед тем как уехать из Нового Орлеана.

Мистер Понтелье носил очки. Это был мужчина сорока лет, среднего роста, довольно субтильного сложения, слегка сутулый. Волосы у него были прямые и темные, зачесанные на косой пробор. Он носил аккуратно подстриженную бороду.

Время от времени мистер Понтелье отрывал взгляд от газеты и посматривал по сторонам. Со стороны пансионата доносился шум более сильный, чем обычно. Основную постройку называли домом, чтобы отличить ее от коттеджей. Птичий щебет и посвистыванье по-прежнему доносились оттуда. Две девочки, близняшки Фариваль, играли на пианино дуэт из оперы «Цампа»². Миссис Лебрэн входила и выходила, громким голосом отдавая распоряжения садовнику, когда была внутри дома, и не менее громко – указания прислуге в столовой, когда выходила наружу. Это была свежая, миловидная женщина, всегда одетая в белое платье с рукавами три четверти. Ее жестко крахмаленные юбки слегка потрескивали при ходьбе.

Немного дальше, перед одним из коттеджей, чинно прогуливалась дама в черном с четками в руках. Многие постояльцы пансионата отправились на лодке Бодле в Шеньер Каминада на мессу. Несколько детей под черными дубами играли в крокет. Двое детей самого мистера Понтелье гуляли тут же – это были крепкие мальчуганы четырех и пяти лет. Няня-квартиронка неотступно следовала за ними с отсутствующим видом.

Мистер Понтелье в конце концов закурил сигару и затаился, лениво выпустив газету из руки. Его взгляд был устремлен на белый зонт, приближавшийся со стороны пляжа со скоростью улитки. Это была его жена, миссис Понтелье, в сопровождении молодого Роберта Леб-

¹ Убирайтесь! Убирайтесь! Черт возьми! (фр.) – Здесь и далее примечания переводчика.

² «Цампа, или Мраморная невеста» – комическая опера французского композитора Л. Герольда.

рена. Когда они достигли коттеджа, оба поднялись на верхнюю ступеньку крыльца с несколько утомленным видом и уселись лицом друг к другу, прислонившись к столбикам перил.

– Что за безумие! Купаться в это время в такую жару! – воскликнул мистер Понтелье. Сам он окунулся на рассвете. Вот почему утро показалось ему таким долгим. – Тебя просто не узнать – так ты загорела, – добавил он, окидывая жену взглядом собственника ценной вещи, получившей незначительные повреждения.

Миссис Понтелье выставила вперед руки, сильные, красиво вылепленные, и критически осмотрела их, закатав палевые рукава и обнажая кисти. Осматривая их, она вспомнила о кольцах, которые отдала мужу, перед тем как отправиться на пляж. Молодая женщина молча протянула ладонь, и мистер Понтелье, поняв ее жест, вынул кольца из нагрудного кармана и опустил жене в руку. Она с легкостью надела их на пальцы, потом обхватила руками колени, бросила взгляд на Роберта и безудержно рассмеялась. Кольца сверкали у нее на пальцах. Лебрэн улыбнулся в ответ.

– Что такое? – поинтересовался мистер Понтелье, переводя ленивый и одновременно удивленный взгляд с одного на другого.

Это была какая-то полная чепуха, приключение в воде, и они оба тут же стали рассказывать о нем. Оно оказалось и наполовину не таким забавным, как первоначально им представлялось. Оба поняли это, как и мистер Понтелье. Он зевнул, потянулся, потом поднялся и сказал, что не прочь пойти в отель Клейна сыграть партию в бильярд.

– Пойдемте вместе, Лебрэн, – предложил он Роберту.

Но Роберт честно признался, что предпочитает остаться и поболтать с миссис Понтелье.

– Отошли его заниматься делами, когда он тебе наскучит, Эдна, – распорядился мистер Понтелье, собираясь уходить.

– Вот, возьми зонтик, – окликнула его жена, вручая ему зонт.

Мистер Понтелье взял зонт, раскрыл его над головой, спустился по ступенькам и зашагал в интересующем его направлении.

– Ты вернешься к обеду? – крикнула ему вслед жена.

Мистер Понтелье на секунду остановился и пожал плечами. Пошупал нагрудный карман – там лежала десятидолларовая купюра. Он не знает, возможно, вернется пораньше и пообедает, а может быть, и нет. Все зависит от компании, которая соберется у Клейна, и масштаба «игры». Мужчина не произнес это вслух, но его жена поняла и засмеялась, кивая на прощание.

Дети бросились за отцом, когда увидели, что он уходит. Он поцеловал их и пообещал принести леденцов и орешков.

Глава II

Глаза миссис Понтелье, живые и яркие, были цвета табака, почти такого же, как ее волосы. Она имела обыкновение быстро переводить взгляд на предмет и останавливаться на нем, как будто блуждала в каком-то внутреннем лабиринте созерцания или размышления.

Брови ее были на тон темнее, чем волосы; густые, блестящие, они подчеркивали глубину ее глаз. Молодую женщину можно было назвать скорее интересной, чем красивой. Лицо приковывало к себе взгляд какой-то особой искренностью выражения и постоянной, едва заметной игрой настроения. Манеры ее были весьма приятны.

Роберт скрутил сигарету. Он курил сигареты, потому что не мог позволить себе сигары. Во всяком случае, так он частенько говорил. Сейчас у него в кармане лежала сигара – мистер Понтелье подарил, – и Роберт оставил ее, чтобы выкурить после обеда.

С его стороны это выглядело вполне естественно. Цветом лица молодой человек напоминал свою собеседницу. То обстоятельство, что лицо его было чисто выбрито, делало сходство еще более поразительным. Ни тени озабоченности не мелькало в глазах Роберта – они вобрали в себя свет и истому летнего дня и теперь отдавали все это обратно.

Миссис Понтелье потянулась за веером из пальмового листа, лежавшим на крыльце, и начала обмахиваться, а Роберт выпускал из губ легкие колечки дыма. Они непрерывно болтали о том, что их окружало, о забавном приключении в воде, вновь показавшемся им занимательным, о ветре, деревьях, людях, отправившихся на Шеньер, о детях, играющих в крокет под дубами, и о сестричках Фариваль, исполнивших увертюру к «Поэту и Поселянину».

Роберт довольно много говорил о себе. Он был очень молод и не умел вести беседу. Миссис Понтелье говорила о себе мало по той же причине. Каждого интересовало то, что говорит другой. Роберт рассказывал о планах отправиться осенью в Мексику, где его непременно ожидало несметное богатство. Он постоянно собирался поехать в Мексику, но по какой-то причине еще ни разу туда не попал. А тем временем он занимал скромную должность в торговом доме в Новом Орлеане, где хорошее знание сразу английского, французского и испанского языков давало ему заметное преимущество как клерку, ведущему международную переписку.

Летний отпуск Роберт проводил, как всегда, с матерью на Гранд Айл. В прежние времена, которых он не помнил, дом считался роскошным. Теперь же, обросший с обеих сторон более чем десятком коттеджей, всегда заполненных избранными гостями из QuartierFrancais³, он давал миссис Лебрен возможность продолжать комфортное существование, данное, по видимому, ей по праву рождения.

Миссис Понтелье часто рассказывала о плантации на Миссисипи, принадлежащей ее отцу, и доме в Кентукки, где прошло ее детство. В ней текла американская кровь с небольшой примесью французской, почти полностью растворенной в предыдущих поколениях. Молодая женщина прочитала Роберту письмо от сестры, которая жила на Востоке и собиралась замуж. Роберту это было интересно, он захотел побольше узнать о жизни сестер, о том, что случилось с их родителями...

Когда миссис Понтелье сложила письмо, пора уже было одеваться к обеду.

– Я так понимаю, Леонс не придет, – усмехнулась она, бросив взгляд в направлении, куда удалился ее супруг.

Роберт предположил, что, скорее всего, так, поскольку у Клейна собирается немало ново-орлеанских завсегдатаев клуба.

³ Французского квартала.

Когда миссис Понтелье оставила молодого человека и ушла в свою комнату, Роберт спустился по ступенькам и направился в сторону игроков в крокет. Он в течение получаса перед обедом играл с маленькими Понтелье, которые его очень любили.

Глава III

Было одиннадцать часов вечера, когда мистер Понтелье вернулся от Клейна. Он был в превосходном расположении духа и весьма склонен поговорить. Приход мистера Понтелье разбудил его жену, которая уже крепко спала. Он разговаривал с ней, раздеваясь, рассказывал ей анекдоты, сообщал разнообразные новости и сплетни, услышанные им в течение дня. Из карманов брюк мистер Понтелье извлек горсти смятых банкнот и немало серебра. Все это он выложил на бюро вместе с ключами, складным ножом, платком и всем остальным, что оказалось в карманах. Его жену одолевал сон, и женщина отвечала мужу невнятным бормотанием.

Мистер Понтелье считал себя разочарованным, что его жена, единственный смысл его существования, проявляет так мало интереса к его делам и так низко ценит его беседу с ней.

Про леденцы и орешки для мальчиков мистер Понтелье забыл.

Однако же он очень любил своих сыновей и направился в смежную комнату, где они спали, чтобы удостовериться, что с ними все в порядке. Однако это было далеко не так. Когда мистер Понтелье поправлял малышам подушки, один из них, брыкаясь, стал что-то бормотать о корзине с крабами.

Мистер Понтелье вернулся к жене с информацией о том, что у Рауля сильный жар и что им нужно непременно заняться. Затем он закурил сигару, вышел из комнаты и уселся рядом с открытой дверью, чтобы выкурить ее.

Миссис Понтелье была уверена, что у Рауля нет никакого жара. Он был совершенно здоров, когда ложился спать, и никакие недомогания в течение целого дня его не беспокоили. Но мистер Понтелье слишком хорошо был знаком с симптомами жара, чтобы ошибиться. Он уверил жену, что ребенок страдает в соседней комнате.

Мистер Понтелье упрекнул жену в невнимательности, в ее обычном пренебрежении детьми. Если это не дело матери – заботиться о детях, – то чье же, ради всего святого? Он сам занят по горло в своей брокерской конторе и не может одновременно быть в двух местах – с клиентами, чтобы достойно обеспечивать семью, и дома, чтобы оберегать своих близких от несчастий. Все это мистер Понтелье произносил монотонным голосом.

Миссис Понтелье прыгнула с кровати и отправилась в соседнюю комнату. Вскоре она вернулась и легла, зарыв голову в подушку. Она ничего не говорила и отказывалась отвечать на вопросы мужа, когда тот стал спрашивать о сыне. Докурив сигару, мистер Понтелье улегся в постель, и не прошло и минуты, как он уже крепко спал.

К этому времени миссис Понтелье полностью проснулась. Она плакала, вытирая глаза рукавом пеньюара. Задув свечу, которую ее муж оставил гореть, она сунула босые ноги в шлепанцы, стоявшие у изножья кровати, и вышла на крыльцо, где опустилась в плетеное кресло и начала тихонько раскачиваться взад-вперед.

Время было за полночь. Свет погас во всех коттеджах, только в доме миссис Лебрен слабо светился вход. Снаружи не доносилось ни звука, лишь старая сова ухала на верхушке дуба, да вечный голос моря, негромкий в этот спокойный час, раздавался в ночи, подобно печальной колыбельной.

Слезы с такой силой хлынули из глаз миссис Понтелье, что мокрый рукав ее пеньюара больше не мог осушить их. Одной рукой женщина держалась за спинку кресла, а другой закрывала разгоряченное лицо. Миссис Понтелье не смогла бы объяснить, почему плачет. Сцены, подобные предшествующей, были не редкость в ее замужней жизни. До сих пор они не слишком много значили по сравнению с неисчерпаемой нежностью ее мужа и его неизменной преданностью, которая подразумевалась сама собой.

Не поддающаяся описанию подавленность, которая время от времени возникала в потаенных уголках ее сознания, наполняла молодую женщину смутной тоской. Подобно тени, легкой дымке, она наплывала на ее безмятежное настроение. Это было странное, незнакомое ощущение. Не то чтобы молодая женщина мысленно упрекала мужа, оплакивая судьбу, направлявшую ее стопы по избранной тропе, нет. Ей просто нужно было как следует выплакаться.

Над головой у миссис Понтелье резвились комары, они кусали ее крепкие округлые руки и жалили за голые ступни. Жужжащие твари сумели развеять мрачное настроение молодой женщины, которое могло бы продержат ее здесь, в темноте, добрую половину ночи...

На следующее утро мистер Понтелье проснулся рано, чтобы успеть сесть в экипаж, который должен был доставить его на пристань, где ему предстояло пересест на пароход. Он возвращался в город заниматься делами, и его не увидят на острове до следующей субботы. Самообладание, утраченное было в прошлую ночь, снова вернулось к нему. Ему не терпелось уехать, чтобы наконец с головой погрузиться на неделю в деловую жизнь на Каронделет-стрит.

Мистер Понтелье отдал своей жене половину принесенных накануне вечером от Клейна денег. Она любила деньги, как и большинство женщин, и взяла их с большим удовольствием.

– На это можно купить хорошенький свадебный подарок для сестрицы Джанет! – воскликнула миссис Понтелье, разглаживая купюры и одновременно пересчитывая их.

– Ну, к сестрице Джанет мы отнесемся все-таки получше, моя дорогая, – засмеялся мистер Понтелье, собираясь поцеловать жену на прощание.

Мальчики кубарем скатились вниз и обхватили его за ноги, выпрашивая разные интересные вещи, которые он должен им привезти в следующий раз. Мистер Понтелье был весьма популярен среди дам, мужчин, детей и даже нянь, и они всегда старались оказаться поблизости, чтобы попрощаться с ним. Миссис Понтелье мило улыбалась мужу и махала рукой, дети кричали ему вслед, когда старый экипаж увозил отца семейства по песчаной дороге.

Несколько дней спустя из Нового Орлеана прибыла посылка для миссис Понтелье. Посылку прислал ее муж. Коробка была наполнена friandises⁴ – всевозможными соблазнительными лакомствами, там были изысканные фрукты, паштеты, пара бутылок дорогого вина, восхитительные сиропы и конфеты в большом количестве.

Миссис Понтелье всегда проявляла щедрость в отношении содержимого таких коробок. Она привыкла получать их от мужа, когда уезжала из дому. Паштет и фрукты были переданы в столовую, конфеты розданы всем желающим. И местные дамы, привередливо, с некоторой жадностью выбирая пальцами из предложенного, все в один голос заявили, что мистер Понтелье – лучший муж на свете. Миссис Понтелье была вынуждена признать, что действительно не знает никого лучше.

⁴ Friandises – лакомство, сласти (фр.).

Глава IV

Мистеру Понтелье было бы непросто определить, к собственному или чьему бы то ни было удовлетворению, в чем его жена плохо справлялась со своими обязанностями в отношении детей. Он больше ощущал, чем постигал это, и никогда не высказывал своих подозрений. Однако, когда один из маленьких Понтелье, играя, падал и ушибался, малыш вовсе не склонен был бросаться с плачем к матери в поисках утешения. Скорее всего, он бы поднялся сам, вытер слезы на глазах, а песок – с губ и продолжил играть.

Совсем еще дети, мальчуганы держались вместе и всегда стояли на своем, отстаивая свой интерес громкими голосами, чем чаще всего одерживали победу над неженками. Няня воспринималась мальчишками как досадная помеха и нужна была только для того, чтобы застегивать манжеты и штанишки, а также причесывать волосы и делать на голове пробор. Поскольку таков был закон приличного общества – волосы должны быть разделены на пробор и тщательно причесаны.

Иными словами, миссис Понтелье нельзя было назвать женщиной-матерью. А этим летом на Гранд Айл женщины-матери, похоже, преобладали. Распознать их было нетрудно: они порхали вокруг драгоценного потомства, простирая крылья, как только тому угрожала реальная или воображаемая опасность. Дети были их идолами, мужья – кумирами. Священной привилегией таких дам было затушевывать свою личность и отрастить крылья, как у ангелов-хранителей.

Многие были восхитительны в этой роли, из них одна была подлинным воплощением женственной грации и очарования. Если бы ее муж не обожал ее, он был бы животным, заслуживающим медленной смерти на костре. Ее звали Адель Ратиньоль.

Никакие слова не смогут описать эту обворожительную даму, кроме тех, что составляли основу древних текстов и служили для описания романтических героинь прошлого и белокурых созданий нашей мечты. В очаровании Адель не было ничего утонченного или скрытого – красота ее была вся на виду, яркая и запоминающаяся: золотые шелковистые волосы не могли укротить ни гребень, ни шпильки, голубые глаза сверкали, как сапфиры. Пунцовый оттенок пухлых губ мог навести наблюдателя лишь на мысль о вишнях или иных спелых фруктах.

Склонность Адель к полноте была очевидна, однако ни на йоту не лишала грации ее походку, позы или жесты. Вряд ли кто-нибудь мог захотеть, чтобы белая шея этой прелестницы стала чуть менее округлой, а прекрасные руки – более тонкими. Невозможно было бы представить пальчики нежнее, и как приятно было смотреть на них, когда миссис Ратиньоль продевала нитку в иголку или прилаживала золотой наперсток на сужающийся к ноготку средний палец, подшивая ползунки и украшая корсет или нагрудник.

Миссис Ратиньоль была очень привязана к миссис Понтелье. Она нередко брала с собой шитье и отправлялась в послеобеденное время провести время с подругой.

Она сидела рядом в тот день, когда из Нового Орлеана прибыла посылка. Завладев креслом-качалкой, Адель с увлечением предавалась шитью крошечных панталончиков. Она принесла миссис Понтелье выкройку комбинезончика – чудо кроя, предназначенное до того удачно заключить в себе тельце младенца, что видны оставались только два маленьких глаза, как у детей эскимосов. Комбинезон предстояло использовать в зимнее время, когда коварные сквозняки спускались вниз по печным трубам и потоки смертельного холода проникали в дом через замочные скважины.

Миссис Понтелье не обременяла свой разум заботами о текущих материальных потребностях своих детей. Она не видела смысла в том, чтобы делать предметом летних размышле-

ний ожидание зимы и подготовку зимней одежды. Но, не желая казаться неприветливой и равнодушной, она принесла газеты, разложила их на полу балкона и под руководством миссис Ратиньоль сняла выкройку непроницаемого облачения.

Роберт был там же, устроившись, как в прошлое воскресенье. Миссис Понтелье уселась, как и тогда, на верхней ступеньке, отрешенно прислонившись к столбику перил. Рядом с ней стояла коробка с конфетами, которую она периодически протягивала миссис Ратиньоль.

А та, казалось, терялась при виде такого выбора. Но в конце концов Адель остановилась на батончике нуги, гадая, не слишком ли это питательно и не повредит ли ей. Миссис Ратиньоль была замужем семь лет. Примерно каждые два года у нее рождался ребенок. На тот момент у нее было трое детей, и она подумывала о четвертом. Она всегда рассказывала о своем «положении». Это самое «положение» никоим образом не было заметно, никто бы ничего не знал, если бы не настойчивое намерение Адель сделать его предметом всеобщего обсуждения.

Роберт высказался поощрительно, уверяя собеседницу, что знавал даму, которая кормилась нугой во время всего... Но, заметив, что краска бросилась в лицо миссис Понтелье, сдержался и переменял тему разговора.

Миссис Понтелье, хотя и была замужем за креолом, в компании креолов отнюдь не чувствовала себя как дома. Никогда раньше ей не приходилось так близко общаться с ними. Этим летом в пансионе миссис Лебрен отдыхали только креолы. Все они знали друг друга и ощущали себя одной большой семьей, в которой царили самые дружеские отношения. Чертой, наиболее отличавшей креолов, которая поражала миссис Понтелье, было полное отсутствие стыдливости. Свобода выражения, принятая в их обществе, поначалу была непостижима для миссис Понтелье, хотя ей не представляло труда совместить это с гордостью и целомудрием, изначально, кажется, присущими каждой креолке и безошибочно распознаваемыми. Никогда Эдна Понтелье не смогла бы забыть тот шок, который она испытала, присутствуя при разговоре миссис Ратиньоль с мистером Фаривалем, когда та рассказывала во всех подробностях душевраздирающую историю своих родов. Эдна Понтелье постепенно приучалась получать удовольствие от таких ситуаций, но ничего не могла поделать с краской на лице. Не раз ее появление прерывало очередную забавную историю, которую Роберт рассказывал, чтобы развлечь компанию замужних женщин.

По пансиону передавалась из рук в руки книга. Когда очередь дошла до Эдны, она читала ее с глубоким изумлением. Ее основным побуждением было читать книгу скрытно, в одиночестве, хотя никто из остальных дам этого не делал. При звуке приближающихся шагов Эдне хотелось спрятать книгу. А ее содержание открыто обсуждали за столом все живущие в пансионе. Миссис Понтелье в конце концов бросила удивляться и заключила, что чудесам не суждено когда-либо прекратиться.

Глава V

В тот летний полдень молодые люди составили компанию близких по духу людей. Миссис Ратиньоль занималась шитьем, постоянно прерываясь, чтобы поведать какую-нибудь историю или случай из своей жизни, помогая себе выразительными жестами рук совершенной формы; Роберт и миссис Понтелье предавались безделью, время от времени обмениваясь случайными репликами, взглядами или улыбками, что указывало на некую особую степень дружеских отношений. Весь последний месяц Роберт был рядом с Эдной. Никто по этому поводу ничего не думал. Когда Роберт приехал, многие полагали, будто он посвятит себя миссис Понтелье. С тех пор как Роберту исполнилось пятнадцать, то есть уже одиннадцать лет, каждое лето он становился преданным спутником прекрасной дамы. Иногда ею могла стать юная молодая девушка, иногда – вдова, но чаще всего – интересная замужняя женщина.

Два сезона подряд жизнь Роберта озаряло присутствие миссис Дювинь. Но зимой она умерла. Роберт выставил себя безутешным страдальцем, припав к ногам миссис Ратиньоль в поисках сочувствия и утешения, которых она могла бы его удостоить. Миссис Понтелье любила сидеть, уставившись на прекрасную соседку, так она могла бы взирать на безупречную Мадонну.

– Способен ли кто-то усмотреть жестокое сердце за этой прекрасной наружностью? – бормотал Роберт. – Она знала, что я обожаю ее когда-то, и она позволила мне обождать ее. Это всегда было так: «Роберт, приди, уйди, встань, сядь, сделай то, сделай это, посмотри, спит ли малыш... Мой наперсток, пожалуйста, тот, что я оставила бог знает в каком месте... Приди и почитай мне Доде, пока я шью».

– *Par exemple!*⁵ Мне никогда не приходилось просить. Вы вечно болтались у меня под ногами, как докучливый кот.

– Вы хотите сказать, как преданный пес. А как только появлялся Ратиньоль, обращение становилось именно что как с собакой. *Passez! Adieu! Allezvous-en!*⁶

– Может, я боялась, что Альфонс будет ревновать, – заявила мадам Ратиньоль с чрезмерным простодушием.

В ответ на эти слова все засмеялись. Правая рука ревнует к левой! Сердце ревнует к душе! По правде говоря, мужья-креолы никогда не ревнуют. Всепоглощающая страсть у них съезжилась до карликовых размеров по причине неиспользования.

Тем временем Роберт, обращаясь к миссис Понтелье, продолжил рассказ о своей минувшей страсти к миссис Ратиньоль, о бессонных ночах и палящем огне в его душе, так что само море воспламенилось, когда он пошел, как обычно, окунуться после обеда.

А обсуждаемая дама, сидящая за шитьем, презрительно и коротко прокомментировала: – *Blagueur, farceur, grosbete, va!*⁷

Роберт никогда разговаривал таким трагикомичным тоном, когда оставался наедине с миссис Понтелье. А она никогда толком не знала, что с этим делать. В такие моменты невозможно было догадаться, насколько серьезным было отношение Роберта к Адель. Понятно, что он часто обращался к миссис Ратиньоль с признаниями в любви, не вкладывая в них абсолютно никакого смысла. Миссис Понтелье была рада, что Роберт не играл подобную роль по отношению к ней. Это бы только раздражало ее.

⁵ Ну надо же! (*фр.*)

⁶ Проходите! Прощайте! Убирайтесь! (*фр.*)

⁷ Враль, шут, скотина, хватит! (*фр.*)

Миссис Понтелье принесла принадлежности для рисования – занятия, которому она время от времени предавалась, не будучи профессионалом. Ей нравилось рисовать. Она получила от этого удовлетворение, какое ей не приносило никакое другое занятие.

Эдна давно хотела попробовать свои силы на миссис Ратиньоль. Никогда, казалось, эта дама не выглядела более соблазнительным объектом для художника, чем теперь, когда она сидела, подобно чувственной Мадонне, озаренная вечерним светом, подчеркивающим ее чудесный цвет лица.

Роберт перебрался на лестницу и устроился на ступеньке ниже миссис Понтелье, так, чтобы ему было видно, что она делает. Эдна обращалась с кисточками с определенной легкостью, что было результатом не столько длительного общения с ними, сколько природных способностей. Роберт наблюдал за работой Эдны с пристальным вниманием, издавая короткие восторженные восклицания на французском языке, которые адресовал миссис Ратиньоль:

– Mais ce n'est pas mal! Elle s'y connait, elle a de la force, oui⁸.

Погрузившись в свои наблюдения, Роберт невзначай прислонился головой к плечу миссис Понтелье. Она, как могла мягко, отстранила его. Молодой человек повторил попытку. Эдна не могла не думать, что с его стороны это было просто легкомыслием, и тем не менее у нее не было никаких оснований принимать эти ухаживания. Не высказывая вслух протеста, Эдна снова спокойно, но твердо отстранила Роберта. Он не извинился. Законченное изображение не имело никакого сходства с миссис Ратиньоль, которая была страшно разочарована, увидев, что портрет не имеет с ней ничего общего. Однако это была вполне достойная работа, во многих отношениях вполне удовлетворительная.

Миссис Понтелье, однако, так не думала. Критически осмотрев набросок, она поставила на нем краской большое пятно и смяла лист в руках.

По ступенькам лестницы взбежали малыши, няня следовала за ними на почтительном расстоянии, которое они сами для нее установили. Миссис Понтелье вручила сынишкам краски и прочие рисовальные принадлежности, чтобы они отнесли их в дом. Ей хотелось задержать мальчуганов, чтобы поболтать с ними и повозиться, но дети были исключительно серьезны. Мальчики пришли с единственной целью исследовать содержимое коробки с конфетами. Они безропотно приняли то, что мать выбрала для них, протянув каждый по две пухленькие ладошки, сложенные совочком, в тщетной надежде увидеть их наполненными, после чего удалились.

Солнце клонилось на запад, с юга прилетел ласковый, томный ветерок и принес с собой соблазнительный запах моря. Мальчики, отведавшие сладостей, собирались продолжить свои забавы под дубом. Их пронзительные голоса разносились повсюду.

Миссис Ратиньоль сложила шитье, аккуратно завернув наперсток, ножницы и нитки в кусок ткани, который она тщательно сколола булавкой. Она пожаловалась на слабость. Миссис Понтелье поспешила за туалетной водой и веером. Она освежала лицо Адель, а Роберт с чрезмерным усердием работал веером.

Дурнота быстро прошла, и миссис Понтелье, вполне естественно, подумала, что работа воображения послужила ее источником, поскольку лицо подружки не теряло своего розового оттенка.

Эдна долго смотрела вслед белокурой красавице, когда та прошла по длинной галерее со всей возможной грацией, свойственной, как иногда предполагается, королевским особам. Ее малютки бросились ей навстречу. Двое вцепились в белую юбку, третьего Адель взяла из рук няни и понесла, одновременно шепча всякие нежности. Хотя доктор, как все уже знали, запретил ей поднимать что-либо тяжелее булавки.

⁸ Но это совсем неплохо! Она понимает! У нее неплохой уровень, да! (*фр.*)

– Вы идете купаться? – спросил Роберт миссис Понтелья. Это был не столько вопрос, сколько напоминание.

– О нет! – ответила Эдна с оттенком нерешительности. – Я устала... Думаю, нет.

Она оторвала взгляд от лица молодого человека и устремила в сторону залива, звучный рокот которого доносился до нее нежным, но властным призывом.

– О, пойдите! – настаивал Роберт. – Не надо пропускать купание. Давайте же. Вода сейчас изумительная, вы не почувствуете холода. Пойдемте.

Он протянул руку за большой соломенной шляпой Эдны, висевшей на крючке рядом с дверью, и надел ее ей на голову. Молодые люди спустились по ступенькам и направились вместе в сторону пляжа. Солнце опустилось совсем низко к горизонту, а морской ветерок был нежным и теплым.

Глава VI

Эдна Понтелье не смогла бы объяснить, почему, желая пойти на пляж с Робертом, она сначала отклонила его предложение, а потом послушно подчинилась одному из двух противоположных побуждений, подталкивающих ее к решению.

Некий свет начал смутно зарождаться в ней – тот свет, что, указывая путь, налагает на него запрет.

В тот период Роберт лишь смущал молодую женщину, подталкивал к мечтам, к размышлениям, к неясной тоске, овладевавшей ею в полночь, когда она предавалась слезам.

Иными словами, миссис Понтелье начинала осознавать свою роль в мироздании – роль человеческого существа – и признавать свои отношения как личности с миром вокруг нее. Тяжкое бремя мудрости как будто опустилось на душу молодой женщины двадцати восьми лет – мудрости, возможно, большей, чем та, что Святой Дух обычно предпочитает удостаивать женщину.

Однако начало всех вещей всегда неясно, запутанно, хаотично, оно тревожит и пугает. Немногие из нас преодолевают такое начало! И как много душ погибает в этом стремительном водовороте!

Голос моря соблазнял. Неумолчный, требовательный, рокочущий, он призывал побродить какое-то время в безднах одиночества, затеряться в лабиринтах внутреннего самосозерцания.

Голос моря говорит с душой. Прикосновение волны чувственно, оно заключает плоть в свои нежные объятия.

Глава VII

Миссис Понтелье не была склонна делиться секретами, откровенность всегда была чертой, противоречащей ее натуре. Даже ребенком она жила своей жизнью, не выставляя ее напоказ. Уже в самом раннем возрасте девочка инстинктивно постигла двойственность жизни: внешнее существование, которое всегда приспосабливается, и внутренняя жизнь, которая постоянно сомневается и задает вопросы.

В это лето на Гранд Айл Эдна начала потихоньку приподнимать покров сдержанности, которым всегда окутывала себя. Это могло происходить – должно было происходить! – по причине чьего-то влияния, как незаметного, так и очевидного, побуждавшего ее к самораскрытию. И самым явным было влияние Адель Ратиньоль. Прежде всего Эдну привлекло запредельное физическое очарование креолки, поскольку ей было свойственно чувственное восприятие красоты. К тому же искренность и открытость Адель, составлявшие столь разительный контраст с ее собственной привычной сдержанностью, должны были стать источником некоей привязанности. Кто знает, из каких металлов боги куют те невидимые узы, что мы зовем симпатией и которые со всеми основаниями могли бы называть любовью.

Однажды утром две молодые женщины отправились вместе на пляж под руку, раскинув над собой огромный белый зонт. Эдна убедила Адель оставить детей дома, но не смогла уговорить ее отказаться взять с собой маленький сверток с рукоделием, который та умолила позволить опустить на дно сумочки. Каким-то непостижимым образом они сумели сбежать от Роберта.

Прогулка на пляж была довольно продолжительной. К пляжу вела длинная песчаная тропа, по обеим сторонам которой тут и там встречались заросли кустарника, часто небезопасные для гуляющих.

Вокруг с обеих сторон тропы простирались желтые поля ромашки. Чуть дальше тянулись многочисленные огороды, периодически перемежающиеся небольшими плантациями апельсиновых и лимонных деревьев. Вдалеке на солнце поблескивала темно-зеленая рощица.

Обе молодые женщины не были маленького роста, но формы мадам Ратиньоль отличались большей женственностью. Прелесть Эдны Понтелье доходила до вас постепенно. У нее было очень стройное тело, и временами молодая женщина принимала крайне соблазнительные позы, однако в них не было ничего искусственного, общепринято модного. Случайный неразборчивый наблюдатель мимоходом не остановил бы взгляда на Эдне. Но, проявив больше интуиции, он бы обязательно разглядел благородную красоту пластики и грациозную строгость движений, благодаря чему Эдна Понтелье всегда выделялась в толпе.

Этим утром она оделась в прохладное муслиновое платье, белое, с коричневой полосой, выющейся по всему подолу. Льняной воротничок и большая соломенная шляпа дополняли туалет.

Миссис Ратиньоль, в большей степени озабоченная цветом лица, накинула на голову кисейную вуаль. Она надела удлиненные перчатки из тонкой кожи, которые защищали запястья. На ней было платье чисто-белого цвета с мягкими кружевными оборками. Платье очень шло ей и подчеркивало великолепную фигуру и яркую красоту Адель.

Вдоль пляжа располагались в ряд домики простой, но прочной конструкции, снабженные узкими защитными мостками, выходящими к воде. Домики состояли из двух кабинок, и каждой живущей в пансионе семье была отведена такая кабинка, снабженная всеми необходимыми принадлежностями для купания и прочими удобствами, которые могут быть полезны постояльцам. Обе дамы не имели намерения купаться, они просто прогуливались вдоль воды. Кабинки Понтелье и Ратиньоль находились под одной крышей.

Миссис Понтелье захватила с собой ключ в силу привычки. Отперев дверь своей кабинки, она вошла внутрь и вскоре появилась с ковриком, который расстелила на мостках, и двумя огромными волосяными подушками, покрытыми жесткими полотенцами. Подушки она прислонила к стенке домика.

Молодые женщины устроились рядышком в тени крыльца, облокотившись на подушки и вытянув ноги.

Миссис Ратиньоль откинула вуаль, отерла лицо тонким платком и принялась обмахиваться веером, который она всегда привязывала к платью длинной узкой лентой. Эдна сняла воротничок и расстегнула платье у горла. Она взяла у миссис Ратиньоль веер и начала обмахивать подругу и себя одновременно. Было жарко, и какое-то время подруги обменивались редкими репликами по поводу жары, солнца и яркого, слепящего света. Но ветер был тут как тут. Порывистый, сильный, он взбивал пену на поверхности воды и играл с юбками двух молодых женщин, и они принялись поправлять одежду и растрепавшиеся прически. В воде на отдаленном расстоянии резвились какие-то люди. В этот час на пляже было нешумно. Дама в черном на крыльце соседнего домика читала утренние молитвы. Двое юных влюбленных растянулись под детским тентом, который оказался незанятым.

Эдна Понтелье переводила глаза с одного предмета на другой и наконец остановила взгляд на море. День был погожий, и взор ее уносился так далеко, как только возможно. Только на самом горизонте лениво двигались маленькие белые облачка.

В направлении Кошачьего острова виднелся треугольный парус, южнее можно было заметить другие парусники, казавшиеся издалека неподвижными.

– О ком или о чем ты думаешь? – спросила Адель подругу. Она заинтересованно наблюдала за Эдной, на лице которой отразилось величавое спокойствие.

– Ни о чем, – ответила миссис Понтелье, вздрогнув, и тут же добавила: – Как это глупо! Но, по-моему, именно такой ответ на подобный вопрос мы даем инстинктивно. Посмотрим, – продолжала она, откидывая голову назад и сощуриив свои прекрасные глаза так, что они сверкали, как две яркие светящиеся точки. – Посмотрим. Я на самом деле не отдавала себе отчет, о чем думаю, но, возможно, я смогу восстановить ход своих мыслей.

– Ах, неважно! – засмеялась миссис Ратиньоль. – Я не стремлюсь к такой уж точности. Прощаю тебя на этот раз. На самом деле сейчас слишком жарко, чтобы размышлять, особенно размышлять о размышлении.

– Ради развлечения, – упорствовала Эдна. – Во-первых, вид бескрайней водной глади и неподвижные парусники на фоне синего неба представляют собой восхитительную картину, на которую я хотела бы просто долго смотреть. Горячий ветер, обжигающий лицо, напомнил мне без связи с чем бы то ни было летний день в Кентукки, луг, который казался необозримым, как океан, маленькой девочке, бредущей по пояс в траве. И пока шла, она выбрасывала вперед руки, как будто плыла, раздвигая траву, как воду. Вот, теперь я вижу связь!

– Куда же ты шла в тот день в Кентукки, пробираясь сквозь траву?

– Уже не помню. Я просто пересекала по диагонали большое поле. На мне была большая шляпа, она заслоняла мне обзор. Я могла видеть только колышущееся зеленое пространство перед собой и испытывала чувство, будто буду идти так вечно и прогулка никогда не кончится. Я не помню, было мне страшно или хорошо. Должно быть, мне было интересно. Весьма вероятно, это было воскресенье, – засмеялась Эдна, – и я бежала прочь от молитв, от мрачной пресвитерианской службы, которую отправлял мой отец. До сих пор при мысли об этом у меня мурашки по коже пробегают.

– И ты с тех пор так и бегаешь от молитв, *machere*⁹? – спросила с интересом Адель.

⁹ Дорогая (*фр.*).

– Нет, нет! – поспешно ответила Эдна. – Тогда я была просто маленьким неразумным ребенком и, не думая, последовала неверному побуждению. Напротив, в определенный период моей жизни вера завладела мной. Начиная с двенадцати лет и до... предполагаю, до сих пор, хотя я не особенно думала об этом, все шло само собой. Но знаешь... – Она резко сменила тему и перевела быстрый взгляд на миссис Ратиньоль, наклоняясь немного вперед, чтобы приблизиться к лицу подруги. – Этим летом я иногда чувствую, как будто снова иду по зеленому лугу, свободно, бесцельно, ни о чем не думая, никем не направляемая.

Адель положила руку на плечо Эдны. Та не отодвинулась, и миссис Ратиньоль горячо обняла подругу, пробормотав вполголоса:

– *Rauvgracherie*¹⁰.

Этот жест поначалу слегка смутил Эдну, но она тут же с готовностью откликнулась на ласку креолки. Молодая женщина не привыкла к внешнему проявлению привязанности. Они с младшей сестрой, Джанет, часто ссорились просто в силу злосчастной привычки ссориться. Старшая сестра, Маргарет, держалась солидно, с достоинством, вероятно, по причине возложенных на нее слишком рано серьезных обязанностей хозяйки дома. Их мать рано умерла, тогда сестры были еще совсем юными. И хотя Маргарет не была деятельной, она была практичной. У Эдны появлялись время от времени подружки, но, случайно или нет, все они, казалось, принадлежали к одному и тому же типу – все были тихие и замкнутые. Ей никогда не приходило в голову, что основной, если не единственной причиной этого, пожалуй, была ее собственная сдержанность. Самая близкая подруга Эдны в школе отличалась исключительной одаренностью: она писала замечательные сочинения, которыми Эдна восхищалась и которым стремилась подражать. С ней Эдна обсуждала произведения английских классиков, и иногда девочки вели пылкие политические и религиозные дискуссии.

Эдна часто удивлялась одному своему свойству, которое иногда в глубине души мешало ей, хотя внешне никак не проявлялось. В очень раннем возрасте – вероятно, это было в то время, когда она любила бродить через океан колышущейся травы, вспоминалось ей, – она страстно влюбилась в одного статного офицера-кавалериста с печальным взглядом, приезжавшего навестить ее отца в Кентукки. Девочка не в силах была покинуть его общество, не могла отвести глаз от лица этого черноволосого красавца, напоминавшего Наполеона. Но бравый кавалерист постепенно стерся из ее памяти.

В другой раз Эдна серьезно увлеклась молодым джентльменом, который часто приезжал к одной даме с соседней плантации. Это случилось, когда Эдна с семьей переехали жить в Миссисипи. Молодой человек собирался жениться на их молодой соседке. Они иногда заезжали за Маргарет и после обеда отправлялись в кабриолете покататься по округе. Эдна была еще совсем девчушка, она только вступила в подростковый возраст, и осознание того факта, что сама она была абсолютно никем для счастливого молодого человека, стало горьким разочарованием для нее. Но и этот джентльмен тоже отправился в небытие дорогой грез.

Эдна была уже вполне взрослой женщиной, когда ее захватило то, что, как она предполагала, должно было определить ее судьбу. Знаменитый актер-трагик поразил ее воображение и всколыхнул чувства. Упорство Эдны придало ее влюбленности оттенок подлинности. А безнадежность ситуации окрасила ее чувства в благородные тона великой страсти.

Фотография трагика в рамке долго стояла на бюро Эдны. Любой может поставить портрет известного актера, не вызывая при этом никаких подозрений (Эдна лелеяла эту надежду). В обществе других людей Эдна восхищалась его талантом, пуская фотографию по кругу. Наедине с собой она время от времени брала фотографию и покрывала страстными поцелуями холодное стекло. Ее брак с Леонсом Понтелье был делом случая, чем напоминал многие другие браки, выдаваемые за перст судьбы. Эдна познакомилась с мистером Понтелье в самый разгар

¹⁰ Бедняжка (*фр.*).

своей тайной страсти. Он влюбился, как это свойственно мужчинам, и стал настойчиво просить руки Эдны с таким пылом, что не оставил ей выбора. Мистер Понтелье во всем угождал ей, его абсолютная преданность льстила Эдне. Она воображала, что между ними возник союз, в чем конечно же заблуждалась. А если добавить яростное сопротивление ее браку с католиком со стороны отца и сестры Маргарет, то незачем искать дополнительные мотивы для решению Эдны принять предложение мистера Понтелье выйти за него замуж.

Высшее блаженство, которое мог доставить ей союз с трагиком, в этом мире было недосягаемо. А как преданная жена обожавшего ее человека, Эдна чувствовала, что займет весьма достойное место в реальном мире, закрыв навсегда за собой двери в царство романтики и грез.

Через некоторое время трагик отправился вслед за офицером-кавалеристом и помолвленным с соседкой молодым человеком, и Эдна осталась лицом к лицу с реальностью. Она полюбила своего мужа, с каким-то необъяснимым удовлетворением отдавая себе отчет в том, что в ее привязанности нет ни малейшего следа страсти или какой-то особенной теплоты.

Своих детей Эдна любила как-то неровно и импульсивно. Порой она страстно прижимала их к сердцу, а порой забывала про них. Год назад мальчики провели часть лета у своей бабушки Понтелье в Ибервилле. Будучи уверена в их благополучии, Эдна не скучала по сыновьям, лишь изредка ощущая острое желание их увидеть. Отсутствие детей было своего рода облегчением для нее, хотя она не признавалась в этом даже самой себе. Она, казалось, освобождалась от ответственности, которую слепо возложила на себя, но для которой судьба не предназначала ее.

Эдна не рассказала ничего из всего этого миссис Ратиньоль в тот летний день, когда они долго сидели, повернувшись лицом к морю. Однако какая-то часть ее переживаний ускользнула из-под контроля. Эдна положила голову на плечо подруге. Лицо ее покраснело, звук собственного голоса оцепенял ее, как и ощущение непривычной открытости. Это ощущение дурманило Эдну, как вино или как первый глоток свободы.

Послышался звук приближающихся голосов. Это был Роберт, окруженный толпой детей. С ним были двое маленьких Понтелье, а на руках он нес малышку Ратиньоль. Их сопровождали еще несколько ребятишек, а сзади плелись с недовольным видом две няни, ощущающие себя ненужными.

Молодые женщины немедленно поднялись на ноги и стали отряхивать юбки. Миссис Понтелье забросила подушки и коврик в кабинку. Дети бросились к навесу и, добежав, выстроились в ряд, глаза на влюбленных, по-прежнему обменивавшихся клятвами и вздохами. Пара поднялась, не выражая ничего, кроме молчаливого протеста, и медленно удалилась куда-то в другое место.

Дети завладели тентом, и миссис Понтелье направилась к ним.

Миссис Ратиньоль упростила Роберта проводить ее домой. Она жаловалась на судороги в конечностях и одеревенение в суставах. Когда они двинулись, она повисла на его руке.

Глава VIII

– Сделайте мне одолжение, Роберт, – заговорила Адель, как только они неспешно отправилась в сторону дома. Она взглянула в лицо молодому человеку, опираясь на его руку.

Роберт открыл зонтик, бросавший на них тень.

– Разумеется, все что пожелаете, – ответил он, глядя в глаза своей спутнице. Полные задумчивости, они отражали некое размышление.

– Я прошу только об одном, Роберт. Оставьте миссис Понтелье в покое.

– *Tiens!*¹¹ – воскликнул молодой человек с неожиданным мальчишеским смешком. – *Voilaque Madame Ratignolle est jalouse!*¹²

– Не говорите глупостей! – отмахнулась миссис Ратиньоль. – Я серьезно прошу: оставьте в покое миссис Понтелье.

– Почему? – спросил Роберт, становясь сам серьезным в ответ на настойчивость Адель.

– Она другая, не такая, как мы все. Она может совершить непоправимую ошибку, приняв всерьез ваши ухаживания.

Лицо Роберта вспыхнуло от раздражения, он сдернул с головы мягкую шляпу и принялся постукивать ею по ноге.

– Почему бы ей и не принять меня всерьез? – резко спросил он. – Я что, комедиант, клоун, черт из табакерки? Почему ей не следует принимать меня всерьез? Ну вы, креолы! Терпения на вас не хватает! Меня что, всегда будут считать частью развлекательной программы? Я очень надеюсь, что миссис Понтелье воспринимает меня всерьез. Я надеюсь, у нее хватит проницательности, чтобы увидеть, что я не только *blagueur*¹³. Если бы я думал, что тут есть какие-то сомнения...

– Ах, хватит, Роберт! – прервала Адель его страстный монолог. – Вы не думаете, о чем говорите. В ваших словах так же мало размышления, как в болтовне детей в песочнице. Если бы все те знаки внимания, которые вы оказываете любой замужней женщине, предлагались с намерением быть убедительным, вы не были бы тем джентльменом, каким мы вас знаем, и оказались бы непригодны для общения с женами и дочерьми людей, которые доверяют вам.

Миссис Ратиньоль высказала то, во что она верила как в неопровержимую истину. Молодой человек нетерпеливо пожал плечами:

– Ах, ладно! Все это не то. – И он яростно нахлобучил шляпу на голову.

– Вы должны понимать, что это нелестная характеристика для мужчины.

– Наше общение должно состоять в обмене комплиментами? *Mafoi!*¹⁴ Не очень приятно, когда женщина говорит тебе... – продолжал Роберт, не обращая внимания на слова спутницы, но тут же внезапно резко оборвал себя: – Ну, если бы я был как Аробин... Вы помните Алси Аробина и ту историю с женой консула в Билокси?

И Роберт поведал Адель историю с Алси Аробином и женой консула, потом другую – о теноре Французской оперы, получавшем письма, которые ни в коем случае не следовало писать, да и еще истории, серьезные и забавные, так что миссис Понтелье и ее предполагаемая склонность принять молодого человека всерьез, очевидно, была молодыми людьми забыта.

Миссис Ратиньоль, когда они добрались до ее коттеджа, зашла внутрь с намерением отдохнуть часок, считая это полезным для себя. Перед тем как уйти, Роберт попросил у нее

¹¹ Смотрите! (*фр.*)

¹² Так мадам Ратиньоль ревнует! (*фр.*)

¹³ Хвастун, насмешник (*фр.*).

¹⁴ Ну, право же! (*фр.*)

прощения за нетерпеливость – он называл это дерзостью, – с которой воспринял ее исполненное самых лучших намерений предупреждение.

– Вы кое в чем ошибаетесь, Адель, – сказал молодой человек с легкой улыбкой. – Не существует ни единой возможности, чтобы миссис Понтелье когда-нибудь восприняла меня всерьез. Вам следовало бы предупредить меня, чтобы я не воспринимал всерьез себя самого. Тогда ваш совет был бы к месту и предоставил бы мне пищу для размышлений. *Augevoir*¹⁵. Но у вас усталый вид, – прибавил Роберт озабоченно. – Хотите чашку бульона? Или я, может быть, смешаю вам тодди¹⁶? Давайте, я сделаю вам тодди с капелькой ангостуры¹⁷.

Адель согласилась на бульон, и Роберт поблагодарил ее полупоклоном. Он отправился на кухню, которая располагалась в отдельном строении позади дома, и сам принес молодой женщине золотисто-коричневый бульон в изящной чашке севрского фарфора и к нему несколько сухих печений на блюде.

Адель протянула обнаженную белую руку из-за занавеса, за которым скрылась, и приняла чашку из рук молодого человека. Она сказала ему, что он *bongarçon*¹⁸, и она действительно так думала. Роберт поблагодарил ее и направился к дому.

Влюбленные только что вошли на территорию пансиона. Они прижимались друг к другу, как два дерева, склонившиеся под порывом ветра, дующего с моря. Они не ступали по земле. Они могли бы легко перевернуться вниз головой, поскольку передвигались только по голубому эфиру. Дама в черном тащила за ними, она была несколько более бледной и измученной, чем обычно. Миссис Понтелье и ее детей нигде не было видно. Роберт осмотрел окрестности в надежде обнаружить их. Они, без сомнения, будут отсутствовать до тех пор, пока не придет время обеда. Молодой человек поднялся к матери. Ее комната с покатым потолком располагалась наверху. Два широких слуховых окна выходили на залив. Обстановка комнаты была светлой и практичной.

Миссис Лебрен была занята – она шила. Маленькая девочка-негритянка, сидевшая на полу, руками давила на педаль. Женщина-креолка всегда воспользуется возможностью избежать чрезмерного напряжения.

Роберт прошел в комнату и уселся на широкий подоконник. Он вытащил из кармана книжку и принялся увлеченно читать ее, если судить по тому, как аккуратно и часто он переворачивал страницы. Швейная машинка издавала жуткий стук – громоздкая, тяжеловесная вещь, она была произведена в давно минувшие времена. В моменты, когда стрекот машинки затихал, Роберт с матерью обменивались отрывочными фразами.

– Где миссис Понтелье?

– На пляже с детьми.

– Я обещала ей Гонкура. Не забудь взять с собой – книжка на полке над маленьким столиком.

Бряк-бряк-бряк, бабах! И это в течение следующих пяти – восьми минут.

– Куда это Виктор отправляется в прогулочном экипаже?

– В экипаже? Виктор?

– Да, вон он, напротив дома. Он, кажется, собирается куда-то ехать.

– Позови его.

Бряк-бряк!

Роберт издал резкий пронизывающий свист, который наверняка долетел до пристани.

– Он не смотрит.

¹⁵ До свидания (*фр.*).

¹⁶ Согревающий напиток, обычно с алкоголем.

¹⁷ Горькая настойка.

¹⁸ Хороший мальчик (*фр.*).

Миссис Лебрен бросилась к окну. Она позвала:

– Виктор! – Потом помахала платком и снова позвала.

Молодой человек забрался в экипаж и пустил лошадь в галоп.

Миссис Лебрен вернулась к машинке, пунцовая от раздражения. Виктор был ее младшим сыном – *tête montée*¹⁹, – характер которого предполагал склонность к насилию; он обладал волей, которую никто не в силах был сломить.

– Ты только скажи, и я вложу ему в голову столько ума, сколько она будет способна вместить.

– Если бы только был жив его отец!

Бряк-бряк-бряк-бряк, бабах!

Миссис Лебрен придерживалась твердого убеждения, что вращение Вселенной и все, что проистекает из оногo, со всей очевидностью происходило бы намного разумнее и подчинялось бы высшему порядку, если бы мистер Лебрен не был перемещен в иные сферы в первые годы их супружеской жизни.

– Что слышно от Монтеля? – поинтересовался Роберт.

Монтель был господином среднего возраста, чьи устремления, хотя и тщетные, в последние двадцать лет состояли в том, чтобы заполнить пустоту в доме Лебренoв, образовавшуюся в результате вознесения на небеса супруга миссис Лебрен.

Бряк-бряк, бабах, бряк!

– У меня где-то письмо от него. – Миссис Лебрен поискала в ящике швейной машинки и нашла письмо на дне корзинки для рукоделия. – Он пишет, чтобы я сказала тебе, что он будет в Веракрусе в начале следующего месяца. – Бряк-бряк! – И если ты все еще намереваешься присоединиться к нему... – Бабах, бряк-бряк, бабах!

– Почему же ты мне раньше не сказала, мама? – воскликнул Роберт. – Ты же знаешь, что я хочу...

Бряк-бряк-бряк!

– Не видно еще миссис Понтелье и ее детей? Она снова опоздает к ланчу. Она всегда собирается в последнюю минуту. – Бряк-бряк! – Куда ты собрался?

– Где, ты сказала, Гонкур?

¹⁹ Сверхвозбужденный, взвинченный (*фр.*).

Глава IX

Все лампы в зале были зажжены, и каждая была направлена как можно выше, но так, чтобы не закоптить дымоход и не создать угрозу взрыва. Лампы располагались на стене на определенном расстоянии друг от друга по всему помещению. Кто-то принес ветки апельсинного и лимонного дерева, а между ними закрепили изящные гирлянды. Темная зелень веток выделялась и поблескивала на фоне белых муслиновых штор, драпировавших окна. Шторы вздувались, развевались и хлопали, подчиняясь капризной воле резкого ветра, дувшего со стороны залива.

Был субботний вечер, прошло уже несколько недель после интимного разговора, состоявшегося между Робертом и миссис Ратиньоль по пути с пляжа. На праздник с намерением остаться до воскресенья приехало небывалое количество мужей, отцов и друзей, и всех их должным образом развлекали их жены и дети, и не без существенной поддержки со стороны миссис Лебрен. Обеденные столы были сдвинуты в один конец зала, стулья стояли рядами. Все присутствовавшие уже обменялись домашними сплетнями. Теперь же, очевидно, появилось стремление расслабиться и задать более общий тон беседе.

Многим детям разрешили посидеть подольше, перед тем как отправляться спать. Малыши улеглись на животиках на полу, разглядывая разноцветные страницы комиксов, которые привез мистер Понтелье. Его маленькие сыновья разрешали своим друзьям пользоваться журналами, тем самым демонстрируя свой авторитет.

Музыка, танцы, чтение стихов были предложены собравшимся.

Но заранее заданной программы не было, никаких признаков предварительной организации или хотя бы какого-то замысла даже не просматривалось.

В начале вечера близняшек Фариваль уговорили поиграть на пианино. Это были девочки четырнадцати лет, всегда одетые в цвета Непорочной Девы, синее и белое, поскольку при крещении были посвящены Благословенной Деве. Они сыграли какой-то дуэт и после настойчивых просьб присутствующей публики исполнили отрывок из увертюры Зуппе «Поэт и крестьянин».

– *Allez-vous-en! Sapristi!* – истошно заорал попугай за дверью.

Он был единственный из всех присутствующих здесь, кто обладал достаточной смелостью, чтобы признаться, что не слушал это грациозное исполнение – летний дебют девочек. Старый мистер Фариваль, дедушка сестричек, негодуя, настаивал на том, чтобы птицу переместили и оставили в темноте. Виктор Лебрен возражал, и его решения были непререкаемы, как воля Провидения. Попугай, к счастью, больше не вмешивался в происходящее, очевидно, все взлелеянное ехидство его природы было низвергнуто на близняшек в одной буйной вспышке эмоций.

Позже маленькие брат и сестра декламировали стихи, которые каждый из присутствующих много раз слышал во время зимних праздников в городе.

Малышка в юбочке исполнила танец в центре зала. Мать аккомпанировала и одновременно следила за ней полными восхищения глазами. Однако ей незачем было беспокоиться. Девчушка была хозяйкой ситуации. Она была сообразно случаю одета в черный тюль и черное шелковое трико. Шейка и ручки были обнажены, волосы завиты и черными перьями выступали вперед надо лбом. Ее позы были полны грации, маленькие, затянутые в черное пальчики ног мелькали с невероятной быстротой.

Однако не было причины не танцевать и всем остальным. Миссис Ратиньоль танцевать не могла, поэтому она с удовольствием согласилась играть для других. Играла она очень хорошо, четко соблюдая ритм вальса и придавая выразительность мелодии, что всех по-настоящему

воодушевляло. Она постоянно играла – ради детей, говорила она, поскольку они с мужем оба считали музыку хорошим способом сделать дом более радостным и притягательным.

Танцевали все, кроме близняшек, которых невозможно было убедить разделить на то короткое время, когда одна или другая будет кружиться по залу в объятиях мужчины. Они могли бы танцевать друг с другом, но это не пришло им в голову.

Наконец детей отослали спать. Некоторые безропотно подчинились, другие визжали и протестовали, когда их потащили из зала. Им и так разрешили оставаться до мороженого, что, естественно, обозначало предел человеческого снисхождения.

Мороженое подавалось вместе с тортом, который разложили на тарелках, чередуя куски разного цвета. Мороженое приготовили и заморозили днем на кухне две негритянки под присмотром Виктора. Оно было объявлено удавшимся и было бы великолепным, если бы в нем было немного меньше ванили и немного больше сахара, если бы оно было чуть-чуть похолоднее и если бы еще можно было удалить из него соль. Виктор был горд успехом и продолжал рекомендовать мороженое, до чрезмерности настойчиво предлагая всем его отведать.

Миссис Понтелье, после того как дважды потанцевала со своим мужем, один раз с Робертом и один раз с мистером Ратиньодем, высоким и худым человеком, который во время танца качался, как тростник, вышла из зала и, пройдя по галерее, устроилась на низком подоконнике, откуда ей было видно все, что происходило в зале, одновременно она могла видеть и залив.

На востоке разгоралось легкое зарево. Взошла луна, и ее таинственное свечение отражалось миллионами светящихся точек в беспокойной воде.

– Хотите послушать, как играет мадемуазель Рейц? – Роберт вышел на крыльцо, где сидела миссис Понтелье.

Конечно, Эдна хотела послушать мадемуазель Рейц, но опасалась, что уговаривать ту сыграть бесполезно.

– Я попрошу ее, – сказал Роберт. – Скажу, что вы хотите услышать ее игру. Вы ей симпатичны. Она придет.

Он повернулся и торопливо направился к одному из дальних коттеджей, где расхаживала, шаркая, мадемуазель Рейц. Она перетаскивала кресло из комнаты на крыльцо и обратно, временами возмущаясь плачем младенца, которого няня в соседнем коттедже уговаривала заснуть. Это была неприятная маленькая женщина, уже не молодая. Она ссорилась со всеми подряд в силу напористого характера и склонности попираť права других. Роберт без особых усилий уговорил ее прийти.

Они вошли вместе в зал во время перерыва в танцах. Мадемуазель Рейц слегка поклонилась, скованно и высокомерно. Некрасивая, с худым, увядшим лицом, с горящими глазами, она отличалась полным отсутствием вкуса в одежде и одевалась в черные кружевные платья, а к волосам с одной стороны прикалывала пучок искусственных фиалок.

– Спросите миссис Понтелье, что бы она хотела, чтобы я сыграла, – попросила она Роберта.

Пока Роберт ходил с этим вопросом к Эдне, остававшейся у окна, мадемуазель Рейц сидела совершенно неподвижно перед фортепиано, не касаясь клавиш.

Приход пианистки вызвал всеобщее удивление и настоящую радость. В зале царил дух умиротворения и ожидания. Эдна почувствовала себя чуточку смущенной оттого, что именно она стала причиной прихода сюда этой властной маленькой женщины. Она не смеет предлагать что-то и умоляет мадемуазель Рейц полагаться на себя в своих предпочтениях. Эдна, как она сама о себе говорила, очень любила музыку. Хорошо исполненные мелодии вызывали в ее голове самые разные образы. Ей нравилось сидеть по утрам в комнате, когда миссис Ратиньоде упражнялась в игре на фортепиано. Одну пьесу, которую часто играла Адель, Эдна назвала «Одиночество». Это была короткая грустная мелодия. Пьеса называлась как-то по-другому, но Эдна дала ей свое название. Когда она слышала ее, то в воображении возникал образ мужчины,

стоящего у одинокой скалы рядом с морем. Он был наг и пребывал в состоянии безнадежной обреченности, глядя вдаль на птицу, улетающую от него прочь.

Другая пьеса вызывала у Эдны образ молодой женщины, облаченной в платье с высокой талией времен Империи, идущей танцующей походкой по длинной улице, с обеих сторон которой высились высокие изгороди. Еще одна напоминала ей детей за игрой, а какая-то – скромную женщину, поглаживающую кота.

При первых же аккордах музыки по спине миссис Понтелье побежали мурашки. Она не первый раз слышала сольную игру. Но возможно, это был первый раз, когда она была готова, возможно, это был первый случай, когда все существо Эдны было способно воспринять музыкальную тему.

Она ожидала появления явственных картин, которые, как она думала, предстанут в ее воображении. Однако ждала напрасно.

Эдна не почувствовала ни одиночества, ни надежды, ни желанья, ни отчаяния. Самые глубоко запрятанные страсти поднялись в ее душе; раскачивая ее, они хлестали ее, как морские волны. Эдна дрожала, она была потрясена, слезы слепили ее.

Мадемуазель Рейц закончила играть. Она встала, церемонно поклонилась и вышла, не останавливаясь, чтобы услышать слова благодарности или аплодисменты. Проходя по галерее, она потрепала Эдну по плечу:

– Ну, как вам понравилась моя игра?

Миссис Понтелье была не в силах говорить. Она судорожно сжала руку пианистки.

Мадемуазель Рейц поняла волнение Эдны и даже ее слезы. Она снова потрепала ее по плечу и сказала:

– Вы единственная, ради которой стоило играть. Все остальные? А-а! – И ушла шаркающей походкой, бочком направляясь вдоль галереи к своей комнате.

Однако мадемуазель Рейц ошибалась насчет «всех остальных». Ее игра вызвала бурю восторгов. «Какая страстность!» «Какая артистка!» «Я всегда говорю, что никто не может играть Шопена так, как мадемуазель Рейц!» «Эта последняя прелюдия! *BonDieu!*²⁰ Она потрясает человека!»

Близилась ночь, и всеобщее мнение склонялось к тому, чтобы разойтись по коттеджам. Но кто-то – возможно, это был Роберт – подумал о том, чтобы искупаться в этот таинственный час под этой таинственной луной.

²⁰ Боже! (фр.)

Глава X

Как бы там ни было, Роберт предложил, и никто не выразил другого мнения. Все были готовы следовать за ним, когда он пошел впереди. Он, однако, не возглавил шествие, а только направил, а сам отстал и шел вместе с влюбленными, которые не скрывали своего настроения продолжать в прежнем ключе и держались обособленно. Роберт шел между ними, из вредности или из простого озорства – было непонятно даже ему самому.

Супруги Понтелье и Ратиньоли шли впереди; женщины опирались на руки своих мужей. Эдна слышала голос Роберта сзади, иногда она даже могла разобрать, что он говорил. Она гадала, почему молодой человек не присоединился к ним. Это было на него так не похоже. С недавних пор Роберт временами исчезал на целый день, восполняя упущенное удвоенной преданностью на следующий день, как будто хотел наверстать потерянные часы. Эдна скучала по нему в те дни, когда он под каким-то предлогом отсутствовал, подобно тому, как скучают по солнцу в пасмурный день, не особенно думая о нем, когда оно сияет на небе.

Компания разбилась на небольшие группы. Все болтали и смеялись, некоторые напевали. В отеле Клейна играл оркестр, и до идущих доносились мелодии, приглушенные расстоянием. Вокруг ощущались странные, необычные запахи моря и водорослей, сырой, свежевспаханной земли и тяжелый аромат белых цветов, доносящийся откуда-то неподалеку. Но ночь не обременяла собой море и сушу. Темноты не ощущалось, не было теней. Белый лунный свет заливал мир, подобно тайне.

Люди вошли в воду, как в свою естественную среду. Море было спокойным, оно лениво вздувалось широкими валами, перетекающими один в другой; волны не разбивались до самого берега, где они превращались в маленькие пенящиеся гребни и откатывались назад, извиваясь, как медлительные белые змеи.

Все лето Эдна старалась научиться плавать. Она получила множество советов от мужчин и женщин, а в некоторых случаях и от детей. Почти каждый день Роберт занимался с ней по какой-то своей системе и был уже на грани разочарования, осознавая тщетность своих усилий. Какой-то неконтролируемый страх охватывал Эдну в воде, если рядом не было руки, до которой она могла дотянуться, чтобы почувствовать опору.

В эту ночь Эдна почувствовала себя ребенком, хотя и спотыкающимся, цепляющимся за все окружающие предметы, но осознавшим вдруг свои возможности – он впервые пошел один, смело и уверенно. Она могла бы кричать от радости. Она и закричала, когда одним-двумя взмахами взметнула свое тело на поверхность воды.

Эдну переполняло ликование, как будто она наконец получила власть, благодаря которой могла управлять своим телом и душой. Она становилась все более смелой и беспечной, она явно переоценивала свои силы. Она хотела заплыть очень далеко, куда ни одна женщина до сих пор не заплывала.

Ее неожиданный успех стал предметом похвалы и восхищения. Каждый поздравлял сам себя с тем, что именно его приемы обучения позволили добиться желанной цели.

«Как же это легко!» – думала Эдна. А вслух сказала:

– Ничего особенного. И почему я раньше не поняла, что тут нет ничего такого? Подумать только, сколько времени я потеряла, бултыхаясь, как младенец.

Эдна не присоединилась к играм и забавам других, но, опьяненная новообретенной силой, поплыла в одиночку.

Лицо ее было обращено в сторону моря, потому что она хотела насладиться ощущением пространства и одиночества, которые сообщала ее возбужденному воображению обширная водная гладь, смешивающаяся с залитым лунным светом небом. Эдна плыла, и ей казалось, что она стремится к беспредельности, чтобы в ней затеряться.

Эдна обернулась и посмотрела в сторону берега и людей, которых она там оставила. Она заплыла не так уж далеко для опытного пловца. Но Эдне, не привыкшей к бескрайней воде, то, что она увидела позади себя, представилось непреодолимым препятствием, с которым ей самой без посторонней помощи не справиться.

Мгновенное осознание смертельной опасности поразило ее душу и за долю секунды лишило сил. Но усилием воли Эдна сумела взять себя в руки и вернуться на берег.

Она никому не сказала о встрече со смертью и приступе ужаса, кроме мужа:

– Я думала, я погибну там...

– Ты была не так далеко, дорогая, я наблюдал за тобой, – успокоил жену мистер Понтелье.

Эдна сразу прошла в домик и переделалась в сухую одежду. Она хотела вернуться домой до того, как все остальные выйдут из воды. Ее звали, ей кричали. Жест отстранения был единственным ее ответом, и больше она уже не обращала внимания на возобновившиеся крики, раздавшиеся с целью удержать ее.

– Иногда я склонна думать, что миссис Понтелье капризна, – заметила миссис Лебрен, которая была в восторге от их времяпрепровождения и боялась, что внезапный уход Эдны положит конец удовольствию.

– Так оно и есть, я знаю, – согласился мистер Понтелье. – Но только иногда, не часто.

Эдна не прошла и четверти пути до своего коттеджа, когда ее догнал Роберт.

– Вы думали, что я боюсь? – спросила она без тени раздражения.

– Нет, я знал, что вы не боитесь, – улыбнулся молодой человек.

– А тогда почему же вы пошли за мной? Почему не остались со всеми?

– Я не думал об этом.

– Не думали о чем?

– Ни о чем. Какая разница?

– Я очень устала, – пожаловалась Эдна.

– Я знаю.

– Ничего вы об этом не знаете. Как вы можете знать? Я в жизни никогда не была так обессилена. Но не скажу, что это неприятно. Этой ночью меня посетило множество чувств. Я не разумею и половины из них. Не обращайте внимание на то, что я говорю, я просто размышляю вслух. Интересно, тронет ли меня еще когда-нибудь музыка мадемуазель Рейц так, как она взволновала меня сегодня? И будет ли еще ночь на земле, подобная этой? Она словно ночь во сне. Люди вокруг меня похожи на загадочные получеловеческие существа. Должно быть, где-то там бродят сегодня духи.

– Да, бродят, – шепотом согласился Роберт. – Вы знаете, что сегодня двадцать восьмое августа?

– Двадцать восьмое августа?

– Да. Двадцать восьмого августа в полночь, если светит луна – а луна должна светить, – дух, который посещает эти места уже много веков, встает из залива.

Всепроникающим взором Роберт постоянно искал одного смертного, достойного составить ему компанию, достойного быть вознесенным на несколько часов в царство полубожества. До сих пор его поиски всегда были бесплодными, и, опечаленный, он снова погружался в море. Но этой ночью молодой человек обнаружил миссис Понтелье. И может быть, он никогда не освободит ее полностью от своих чар. Может быть, она никогда больше не потерпит бедного легкомысленного простака в своем божественном присутствии.

– Не шутите надо мной, – попросила Эдна, задетая видимым легкомыслием с его стороны.

Роберт не противился этой просьбе, однако прозвучавшая в голосе молодой женщины еле заметная нотка пафоса превращала ее в упрек. Роберт не мог сказать Эдне, что проник

в ее настроение и все понял. Он только предложил ей руку, поскольку, по ее собственному признанию, она очень устала. Эдна понуро брела по тропинке, руки ее безвольно повисли, белая юбка волочилась сзади по мокрой от росы траве. Эдна приняла руку Роберта, но не оперлась на нее. Ее рука лежала безжизненно, как будто мысли ее были где-то далеко-далеко, они опережали тело, и женщина стремилась догнать их.

Роберт помог ей устроиться в гамаке, подвешенном с одной стороны к столбику перед дверью, а с другой – к стволу дерева.

– Вы останетесь здесь и подождете мистера Понтелье? – спросил он.

– Да, – кивнула Эдна. – Спокойной ночи.

– Принести вам подушку?

– Здесь есть одна. – И Эдна протянула руку, стараясь на ощупь найти подушку, поскольку уже было темно.

– Она, скорее всего, запачкалась: дети кувыркались с ней, – усмехнулся Роберт.

– Не страшно. – Эдна устроила подушку чуть пониже головы.

Вытянувшись в гамаке, она глубоко и с облегчением вздохнула Эдна не была высокомерной или чрезмерно привередливой. И она не особенно любила раскидываться в гамаке, а когда делала это, то без кошачьего сладострастия, а просто стремясь к благодатному покою, охватывавшему все ее тело.

– Остаться мне с вами, пока не придет мистер Понтелье? – спросил Роберт, усаживаясь на край одной из ступенек и завладевая веревкой от гамака, привязанной к столбику.

– Если хотите, – улыбнулась Эдна. – Не качайте гамак. Вы не принесете мою белую шаль? Я забыла ее на подоконнике там, в доме.

– Вы замерзли?

– Нет, но скоро замерзну.

– Скоро? – засмеялся Роберт. – А вы знаете, который сейчас час? Вы долго собираетесь оставаться здесь?

– Не знаю. Так вы принесете шаль?

– Конечно же принесу, – сказал Роберт, вставая.

Он направился к дому по траве.

Эдна смотрела, как его фигура мелькает в полосах лунного света. Было уже за полночь. Стояла полная тишина.

Когда Роберт вернулся с шалью, Эдна взяла ее, но не накинула на плечи.

– Вы хотели, чтобы я остался, пока не вернется мистер Понтелье?

– Я сказала, что вы можете остаться, если хотите.

Роберт снова сел, скрутил сигарету и молча закурил.

Эдна тоже хранила молчание. Никакие слова не могут значить столько, сколько эти моменты молчания, или быть так наполнены впервые осознанным желанием.

Когда послышались голоса возвращающихся купальщиков, Роберт пожелал Эдне спокойной ночи. Она не ответила. Роберт подумал, что она заснула. И снова Эдна смотрела, как удаляющаяся мужская фигура появляется и исчезает в полосах лунного света.

Глава XI

– Что ты тут делаешь, Эдна? Я думал, что найду тебя в постели, – удивился мистер Понтелье, обнаружив жену в гамаке. Он возвращался вместе с мадам Лебрен, которую оставил возле дома.

Жена не ответила.

– Ты спишь? – спросил мистер Понтелье, наклоняясь, чтобы взглянуть на Эдну.

– Нет. – Глаза молодой женщины блеснули, когда она посмотрела на мужа, в них не было и намека на сон.

– Ты знаешь, что уже больше часа ночи? Пойдем.

Мистер Понтелье поднялся по ступенькам и вошел в их комнату.

– Эдна, – позвал он через несколько минут.

– Не жди меня, – ответила его жена.

Мужчина высунул голову из двери.

– Ты простудишься там, – с раздражением сказал он. – Что еще за блажь? Почему ты не идешь?

– Здесь не холодно, и у меня есть шаль.

– Тебя комары съедят.

– Здесь нет комаров.

Эдна слышала, как ее муж ходит по комнате; каждый звук, доносящийся оттуда, выражал его нетерпение и раздражение. В другой раз она бы откликнулась на просьбу мужа. Она уступала ему по привычке, не из чувства покорности или повиновения его настойчивым желаниям, но бездумно, подобно тому, как мы ходим, сидим, стоим и взваливаем на себя повседневные обязанности.

– Эдна, дорогая, ты скоро придешь? – снова спросил мистер Понтелье, на этот раз ласково. В голосе его звучала просьба.

– Нет, я собираюсь тут остаться.

– Это уже больше чем блажь, – вырвалось у мужчины, – я не могу позволить тебе оставаться тут всю ночь. Ты должна немедленно вернуться в дом.

Изогнувшись, Эдна поудобнее устроилась в гамаке.

Она почувствовала, что у нее есть сила воли.

В этот момент она не могла делать ничего другого, кроме как все отрицать и всему сопротивляться.

Эдна задала себе вопрос: разговаривал ли с ней муж так когда-нибудь и подчинялась ли она его приказам? Да, конечно. Она помнила, что подчинялась. Но неспособна была осознать, почему должна уступить ему сейчас.

– Леонс, иди ложись, – сказала она. – Я останусь здесь. Я не желаю идти в дом и не пойду. И не говори так больше со мной. Я не буду отвечать тебе.

Мистер Понтелье уже приготовился лечь, но вместо этого, набросив на себя одежду, открыл бутылку вина, небольшой, но тщательно подобранный запас которого он держал в собственном буфете. Он выпил бокал, вышел на галерею и предложил вина жене. Она ничего не хотела. Мистер Понтелье пододвинул к себе кресло-качалку, закинул ноги в шлепанцах на перила и занялся сигарой. Он выкурил две сигары, затем сходил в дом и выпил еще один бокал вина. Его жена снова отказалась от предложенного вина. Мистер Понтелье опять уселся, забросил ноги вверх и, выждав некоторое время, выкурил еще несколько сигар.

Эдна испытывала чувство человека, который постепенно пробуждается ото сна, восхитительного, фантастического сна, чтобы снова ощутить бремя реальности, проникающей в душу. Физическая потребность в сне овладевала ею, поддерживавший в состоянии эйфории радост-

ный восторг покинул ее, и женщина почувствовала себя беспомощной и покорной давлению обстоятельств.

Наступил тишайший час ночи, предрассветный час, когда весь мир, кажется, затаил дыхание. Луна клонилась вниз, ее цвет на фоне спящего неба из серебристого становился медно-красным. Уже не ухала больше старая сова, прекратили свои стоны склонившиеся к земле черные дубы.

Эдна поднялась, закочнев от долгого неподвижного лежания в гамаке. Пошатываясь, она поднялась по лестнице, ослабевшими пальцами хватаясь за столбик, чтобы зайти в дом.

– Ты идешь, Леонс? – задала она вопрос, обернувшись к мужу.

– Да, дорогая, – ответил он, бросив на нее взгляд сквозь пелену дыма. – Как только докурю сигару.

Глава XII

Эдна спала всего несколько часов. Это были беспокойные, лихорадочные часы, потревоженные неясными, ускользавшими от нее снами; они производили на бедняжку лишь смутное впечатление чего-то недостижимого. Дрожа от прохлады, ранним утром Эдна встала и оделась. Свежий воздух взбадривал и обострял ее чувства. Однако она не ждала прилива сил или помощи из какого бы то ни было источника, внешнего или внутреннего. Эдна слепо следовала любому импульсу, побуждающему ее к действию, как будто отдалась в чужие руки, направлявшие ее, освободив свою душу от ответственности.

Большинство людей в этот ранний час еще оставались в своих постелях. Немногие – те, кто собирался идти к мессе в Шеньер, – уже пустились в путь. Влюбленные составили план накануне вечером и уже брели в сторону пристани. Дама в черном, со своей бархатной, с золотыми застежками книжечкой воскресных молитв, следовала за ними на небольшом расстоянии. Старый мистер Фариваль уже был на ногах и склонен заняться чем-нибудь полезным. Он надел большую соломенную шляпу, взял с вешалки в холле зонтик и двинулся за дамой в черном, однако не догонял ее.

Маленькая негритянка, помогавшая миссис Лебрен со швейной машинкой, подметала галерею широкими взмахами метлы.

Эдна послала ее в дом разбудить Роберта.

– Передай ему, что я собираюсь в Шеньер. Лодка готова, скажи ему, чтобы поторопился.

Вскоре Роберт присоединился к Эдне. Она никогда раньше не посылала за ним. Никогда не хотела его видеть. Никогда, кажется, ничего не хотела от него. Эдна как будто не отдавала себе отчета в необычности его присутствия. И Роберт не видел ничего особенного в такой ситуации. Но когда он встретился с молодой женщиной на этот раз, то его лицо покрывал неяркий румянец.

Они вместе прошли на кухню выпить кофе. Ожидать каких-то изысков не приходилось. Они встали у окна, и кухарка принесла им кофе и булочки; молодые люди позавтракали, сидя на подоконнике. Эдна заметила, что все очень вкусно. Она не подумала заранее о кофе. И Роберт заметил, что часто замечал в ней недостаток предусмотрительности.

– Разве недостаточно, что я подумала о поездке в Шеньер и о том, чтобы разбудить вас? – засмеялась Эдна. – Неужели я должна думать обо всем? Леонс всегда так говорит, когда он в плохом настроении. Я не порицаю его – он никогда бы не был в плохом настроении, если бы не я.

Они пошли напрямик через пески. Издалека они видели забавную процессию, двигавшуюся в сторону пристани: влюбленные медленно шли плечом к плечу, дама в черном неуклонно следовала за ними, далее старый мистер Фариваль, постепенно все больше отстававший. Молодая девушка-испанка – босиком, в красной косынке на голове и с корзинкой в руке – замыкала шествие.

Роберт был знаком с девушкой, в лодке они немного поболтали. Никто из присутствующих не понимал, о чем они говорили. Ее звали Марикита. У нее было круглое, лукавое привлекательное личико и хорошенькие черные глазки. Маленькие пальчики она держала сложенными на ручке корзинки. Ступни у нее были широкими и закругленными. Девушка и не пыталась их прятать. Взглянув на ее ноги, Эдна заметила, что между коричневыми пальцами налипли песок и засохший ил.

Бодле ворчал, что Марикита села в лодку, заняв столько места. На самом деле его раздражало присутствие старого мистера Фариваля, который выставял себя лучшим мореходом из них двоих. Но не будет же Бодле ругаться на такого старика, как мистер Фариваль,

поэтому он бранил Марикиту. Девушка поначалу вела себя скромно, обращаясь иногда за помощью к Роберту. Но вскоре сделалась дерзко-нахальной. Она крутила головой туда-сюда, строя Роберту глазки и делая гримасы Бодле.

Влюбленные были сами по себе. Они ничего не видели и ничего не слышали. Дама в черном по третьему разу перебирала четки. Старый мистер Фариваль без умолку болтал о том, что он знал об управлении лодкой, и о том, чего Бодле совсем не знал на эту тему.

Эдне все нравилось. Она оглядела Марикиту с ног до головы, от некрасивых коричневых пальцев ног до хорошеньких черных глазок.

– Почему она так на меня смотрит? – требовательно спросила девушка у Роберта.

– Наверно, потому, что она думает, что ты хорошенькая. Хочешь я спрошу у нее?

– Нет. Она твоя милая?

– Она замужняя дама, и у нее двое детей.

– А! Вот те на! Франсиско убежал с женой Сильвано, у которой детей было четверо. Они забрали все его деньги и одного ребенка и украли у него лодку.

– Заткнись!

– А она понимает?

– Да замолчи ты!

– А те двое женаты, ну, которые прижимаются друг к другу?

– Конечно же нет, – засмеялся Роберт.

– Конечно же нет, – повторила за ним Марикита с серьезным кивком головы.

Солнце стояло уже высоко и начинало припекать. Эдне казалось, что проказливый ветерок помогает впиваться солнечному жалу в поры ее лица и рук. Роберт раскрыл над ней зонт. Когда они изменили курс, паруса туго надулись, ветер, наполняя их, вырывался за их пределы. Старый мсье Фариваль сардонически улыбался чему-то, когда смотрел на паруса, а Бодле себе под нос клял старика последними словами.

Переплывая на лодке залив, чтобы попасть в Шеньер Каминада, Эдна чувствовала себя так, словно ее срывало с якоря, ранее крепко державшего ее, цепи которого ослабли и порвались предыдущей ночью, когда какой-то таинственный дух восстал из океана, и она была совершенно свободна и готова поднять паруса, чтобы отправиться в плавание. Роберт постоянно говорил с ней, он больше не замечал Марикиту. У девушки в ее бамбуковой корзинке лежали креветки, прикрытые мхом. Она нетерпеливо похлопывала по зеленым волокнам и что-то угрюмо бормотала.

– Поедем завтра на Гранд Терр? – тихо спросил Роберт.

– А что мы там будем делать? – так же тихо проговорила Эдна.

– Поднимемся на холм к старому форту и будем смотреть, как извиваются на стене маленькие золотистые змейки, как ящерицы греются на солнышке...

Эдна устремила взгляд в сторону Гранд Терр и подумала, что хотела бы оказаться там наедине с Робертом, под палящим солнцем, слушая рокот океана и наблюдая, как изящные ящерицы выползают из щелей.

– А еще через день мы можем пойти под парусом к устью Брюлов, – продолжал Роберт.

– А что мы там будем делать? – Эдна посмотрела на своего спутника блестящими глазами.

– Да что угодно. Закидывать приманку и ловить рыбу.

– Нет, мы вернемся на Гранд Терр. обойдемся без рыбалки.

– Поедем, куда вы захотите, – согласился Роберт. – Попрошу Тони прийти и помочь мне залатать и подправить лодку. Нам не будет нужен ни Бодле, ни кто-нибудь еще. Вы не боитесь плавать на пироге?

– Нет, нисколько, – засмеялась Эдна.

– Тогда я покатаю вас как-нибудь вечером при лунном свете на пироге. И может быть, дух залива шепнет нам, на каком из островов спрятаны несметные сокровища, и, возможно, направит к тому самому месту.

– И на следующий день мы станем богаты! – Эдна улыбнулась. – Я отдам все вам, золото пиратов и все сокровища, которые мы сможем откопать. Думаю, вы знаете, как их потратить. Пиратское золото – это не та вещь, которую можно тайно хранить или использовать на какие-то нужды. Его нужно пустить на ветер ради удовольствия увидеть, как летят золотые мушки.

– Мы поделим его и вместе развеем его по ветру, – согласился Роберт. Лицо его вспыхнуло.

Они все вместе направились к старинной маленькой готической церкви Девы Марии Лурдской, блестящей желтыми и коричневыми красками под яркими солнечными лучами.

Бодле остался, чтобы залатать дыры в лодке, а Марикита ушла со своей корзинкой с криветками, по-детски бросая на Роберта исподтишка злобно-упрекающие взгляды.

Глава XIII

Чувство подавленности охватило Эдну во время службы.

У нее начала болеть голова, свечи на алтаре закачались перед ее глазами. В другой раз молодая женщина могла бы сделать усилие и восстановить душевное равновесие, но теперь единственной ее мыслью было вырваться из удушающей атмосферы церкви и оказаться на свежем воздухе. Она поднялась и, бормоча извинения, перебралась через ноги Роберта. Старый мистер Фариваль, рассерженный, встал, но, увидев, что Роберт последовал за миссис Понтелье, снова опустился на место. Он шепотом осведомился о происходящем у дамы в черном, но та не то не услышала его, не то просто не стала отвечать. Ее глаза были прикованы к страницам бархатного молитвенника.

– У меня закружилась голова, я почти совсем без сил, – пожаловалась Эдна, инстинктивно поднимая руки к голове и отодвигая со лба соломенную шляпу. – Я бы не смогла оставаться на службе до конца.

Они стояли в тени около церкви. Роберт был сама предупредительность.

– Было страшной глупостью вообще идти туда, а уж тем более оставаться. Пойдемте к мадам Антуан, вы сможете отдохнуть там.

Роберт взял Эдну за руку и повел за собой, обеспокоенно и подолгу всматриваясь в ее лицо. Было очень тихо, только голос ветра что-то нашептывал в тростнике, растущем в соленых озерах! Длинный ряд серых, потрепанных бурями домиков мирно укрывался среди апельсиновых деревьев.

Должно быть, с этого сонного острова никогда не уходит Божья благодать, подумала Эдна. Они остановились около какого-то дома и, перегнувшись через шероховатый с зазубринами забор, попросили воды. Подросток-акадеиц с круглым лицом наливал воду из цистерны, которая на самом деле была не чем иным, как старым заржавленным бакеном с отверстием с одной стороны, врытым в землю. Вода, которую парень подал им в оловянном ковше, была тепловатой, чтобы пить, но достаточно прохладной, чтобы освежить разгоряченное лицо, и Эдна почувствовала себя снова бодрой и свежей.

Домик мадам Антуан находился в самом дальнем конце деревни. Она поздоровалась с молодыми людьми со всем присущим здешним жителям гостеприимством и открыла дверь, чтобы впустить в дом солнечный свет. Это была толстая женщина, двигавшаяся тяжело и неуклюже. Она не говорила по-английски, но, когда Роберт дал ей понять, что сопровождающая его дама нездорова и желала бы отдохнуть, проявила всяческое рвение, чтобы Эдна почувствовала себя как дома, и удобно разместила ее. Дом был безукоризненно чистым, в комнате стояла большая белоснежная кровать с четырьмя столбиками, она манила, призывая отдохнуть. Комната была маленькой, боковой, и ее окна выходили на крошечную лужайку, за которой виднелся навес, где лежала килем вверх поврежденная лодка.

Мадам Антуан не ходила к мессе. Ее сын Тони пошел, но она предположила, что он скоро вернется, и пригласила Роберта присесть и подождать его. Однако тот вышел во двор и закурил. Мадам Антуан занялась приготовлением обеда. Она варила кефаль на углях в большом очаге.

Эдна, оставшись одна в комнатке, расслабила одежду, частично сняв ее с себя. Она умыла лицо, шею и руки водой из таза, стоявшего между окнами, сняла туфли и чулки и вытянулась на высокой белой кровати.

Как великолепно было отдыхать на этой необычной старомодной кровати, ощущать сладкий деревенский запах лавра, исходящий от простыней и матраса! Эдна вытянула ноги – они немного ныли. Провела пальцами по распущенным на время волосам. Взглянула на свои округлые руки, выпрямив их, и надавила сначала на одну, потом на другую, разглядывая их, как если бы видела впервые.

Эдна легко сцепила руки над головой и так и заснула. Сначала она лишь дремала, в полусонном состоянии осознавая происходящее. Она слышала шаркающую походку мадам Антуан, когда та ходила взад-вперед по посыпанному песком полу. За окном кудахтали куры, копавшиеся в траве в поисках мелкого гравия. Позднее Эдна слышала голоса Роберта и Тони, доносившиеся из-под навеса. Она не шевелилась. Даже веки ее оставались онемелыми и тяжелыми. Голоса продолжали звучать – сначала медленный протяжный, акадийский говор Тони, затем быстрый, плавный и мягкий французский Роберта. Эдна не очень хорошо понимала французский язык, если только к ней не обращались напрямую, и голоса были лишь частью общего приглушенного звукового фона, убаюкивающего все ее чувства.

Когда Эдна проснулась, она решила, что спала долго и глубоко. Голоса под навесом умолкли. Шаги мадам Антуан больше не слышались в соседней комнате. Даже куры удалились кудахтавать куда-то в другое место.

Над Эдной была натянута противомоскитная сетка. Пожилая женщина заходила, когда она спала, и опустила ее. Эдна легко поднялась с кровати и, заглянув в щелочку между шторами, определила по косым лучам солнца, что время перевалило уже далеко за полдень. Роберт сидел под навесом, прислонившись к покатоному килю перевернутой лодки. Он читал книгу. Тони с ним не было. Эдна долго гадала, куда делись все их спутники, а потом два-три раза взглянула на Роберта, когда ополаскивала себя из маленького тазика между окнами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.